

ЧЕГО ДОБИВАЛСЯ ГЕТМАН ХМЕЛЬНИЦКИЙ?

В представленной статье рассматриваются подходы современной украинской историографии к интерпретации темы воссоединения Украины с Россией в XVII веке. Показано, что в значительной части эти подходы не соответствуют характеру реальных отношений Украины-Малороссии с Московским царством.

Ключевые слова: Богдан Хмельницкий, православие, католицизм, национально-религиозный гнет, воссоединение Украины с Россией.

Произошедшее в XVII веке воссоединение Восточной Украины с Россией не теряет значимости и в нынешних реалиях: отголоски того давнего события звучат во всей гамме политических и экономических отношений между Украиной и Россией, дают о себе знать, когда речь заходит о культурно-языковой идентификации различных украинских регионов. Тема воссоединения Украины с Россией многими украинцами до сих пор воспринимается позитивно, несмотря на усилия нынешней официальной украинской пропаганды утвердить историческую схему, направленную исключительно на обслуживание идеи «незалежности». Эта схема подчиняет историю политической конъюнктуры, урезая и искажая сведения о реальных исторических событиях и процессах.

В 40–80-е годы XX века украинские историки тему объединения Украины с Россией раскрывали заметно объективнее, чем их сегодняшние коллеги. К моменту распада Советского Союза для тогдашней украинской историографии тезис о том, что «вожди украинского народно-освободительного движения во главе с Богданом Хмельницким настойчиво добивались принятия Украины в состав братской России» [1, с. 220], являлся, по сути, бесспорным.

Сейчас этот тезис последовательно отстаивает один из самых авторитетных украинских историков академик НАНУ П. П. Толочко. Он не сомневается в том, что в XVII веке украинцы стремились войти в состав России: «Объединение было добровольным, а его инициатива исходила от украинской стороны» [2, с. 196]. П. П. Толочко убежден, что, ища союза с Москвой, «Хмельницкий не собирався добиваться государственной независимости Украины» от неё [2, с. 168].

На осознанный характер действий гетмана Хмельницкого, нацеленных на вхождение Украины в состав Российского царства, указывает киевский историк и писатель О. А. Бузина: «После Переяслава Хмельницкий стал использовать новую подпись — "Гетман Его Царского Величества Войска Запорожского". ...нужно отдать ему должное — три последних года своей жизни он проявил себя

верным, ни разу не предав царя. Гетманские измены начались позже, но Богдан ими себя не запятнал» [3, с. 159].

Фундаментом такой позиции является широкая и прочная источниковая база. Обширный массив документов, относящихся к теме воссоединения Украины с Россией, был собран и изучен ещё в XIX веке. В 1953 году значительная часть этих документов была систематизирована и опубликована в трёхтомном сборнике «Воссоединение Украины с Россией». Их анализ приводит к однозначным выводам: в XVII веке украинцы и в самом деле добивались принятия Украины в состав России, делали это настойчиво, а значит, и добровольно.

Но такой вывод отвергают нынешние «национально мыслящие» украинские историки, уверяющие, что присоединение к России не принесло Украине никаких благ, сделав её «жертвой российского империализма». Сегодня националистически настроенные авторы настаивают на том, что Переяславская рада не отражала исторический выбор украинского народа, став «политической спекуляцией Российской империи» и «трагедией Украины» [4, с. 2]. Эти тезисы, сопровождающиеся жёсткой антироссийской риторикой, являются плодом умозрительных схем с очевидной идеологической окраской и могут возникать лишь при полном игнорировании документальных источников, а с ними и исторических фактов.

В нынешних учебниках украинской истории растрогирован тезис о том, что гетман Богдан Хмельницкий своей целью ставил не объединение Украины с Россией, а «строительство независимой украинской державы», и к российскому царю обращался лишь за военной помощью. Авторы этих учебников утверждают, что в Переяславском договоре 1654 года речь шла не о вхождении Украины в состав Российского государства, а о «конфедерации, созданной против внешнего врага», об «отношениях номинального вассалитета или протекции» [5, с. 177]. По логике таких авторов, воссоединения как такового и вовсе не было: «Украина не входила в состав России, а получала её защиту взамен на признание номинальной зависимости от царя

Алексея Михайловича. ...Сам Хмельницкий рассматривал соглашение с Россией как временный взаимовыгодный военно-политический союз в условиях неравной борьбы Украины с Польшей» [6, с. 123].

Тезис о «временном характере союза гетмана с Москвой» не согласуется с фактами реальной истории, которые говорят сами за себя: Хмельницкий много раз обращался к московскому правительству с настойчивыми просьбами принять Украину в состав Российского государства. Начало было положено письмом гетмана к царю Алексею Михайловичу от 8 июня 1648 года. Рассказав об успехах казачьего войска в вооружённой борьбе против польских панов, Богдан Хмельницкий обратился к царю за военной помощью, призванной помочь украинцам освободиться от «безбожных неприятелей, опустошающих нашу землю», а затем заявил: «Хотим мы в своей земле такого самодержца господя, яко Ваша царская вельможность православный христианский царь. ...Милости Вашего царского величества покорно отдаем себя» [7, с. 33].

В 1648–1653 годах Хмельницкий обращался к царю более тридцати раз. Особую активность гетман проявил в 1652 году, когда он трижды лично обратился к царю, отправил в Москву два больших посольства и при этом ещё постоянно снабжал царское правительство информацией, передаваемой через путивльского воеводу Фёдора Хилкова. На фоне этих фактов тезисы нынешних украинских историков об «империалистических замыслах» и «политических спекуляциях» Москвы выглядят как минимум некорректными.

Важно отметить и то, что гетман Хмельницкий был далеко не первым из тех, кто просил московских царей присоединить Украину к их владениям. Исторические документы ясно свидетельствуют: подобные просьбы регулярно поступали из Украины в Москву начиная с 90-х годов XVI века, т.е. за полвека до Хмельницкого. Первым призвал царя взять Украину под свою власть казачий вождь Кристоф Косинский, возглавивший крупное восстание против польских верхов в 1591–1593 годах. Затем посольство в Москву с просьбой принять Запорожское войско в российское подданство направил гетман Пётр Сагайдачный. В 1622 году схожая просьба к царю, касавшаяся всей Малой Руси, прозвучала из уст епископа Исаии Копинского. Два года спустя киевский митрополит Иов Борецкий уговаривал царя Михаила озаботиться судьбами жителей Южной Руси, внушая ему, что они «единоутробны твоему российскому племени, людям твоей державы и самому твоему царскому величеству» [8, с. 47].

Слова Борецкого подтверждены самим ходом русской истории. До XII века Русь являлась единым государством, и её население обладало общими культурно-этническими характеристиками. Во время раздробленности юго-западные русские земли вместе с древней столицей Руси Киевом оказались под властью литовской династии Гедиминовичей. На первых порах идентичности русских в Литовском княжестве почти ничто не угрожало: позиции православия были прочными, при великокняжеском дворе и в делопроизводстве использовался русский язык. Ситуация изменилась в конце XIV века, когда правителем Литвы стал Ягайло, отказавшийся от ориентации на русские культурные образцы, вступивший в союз с Польшей и взявший обязательство перейти в католицизм, ввести латинский алфавит, отдать Польскому королевству южнорусские земли.

Польская знать стала проникать на обширные русские территории, быстро добившись доминирования своих прав над правами местных князей и бояр. Русские княжения упразднялись, самоуправление заменялось наместничеством. Стали ущемляться религиозно-культурные традиции Южной Руси, что вело к укреплению у тамошнего населения настроений в пользу воссоздания единого Русского государства. В Москве об этом знали, и не случайно Иван III принял титул «Государь всея Руси», имея в виду не только Великую, но и Малую, и Белую Русь. И сам Иван III, и его сын Василий III, и внук Иван IV воевали за освобождение русских земель из-под власти Литвы и Польши. В 1569 году, в разгар Ливонской войны, Польша и Литва заключили Люблинскую унию, слившись в единое государство — Речь Посполитую. Инициативой там прочно завладели польские верхи, взявшие курс на дискриминацию русского населения, на уничтожение его традиционной культурно-этнической идентичности.

Нынешние украинские историки предпочитают не упоминать эту хрестоматийную информацию. Анализ исторических процессов и фактов они подменяют версиями и предположениями. Иллюстрацией таких подмен служат рассуждения, касающиеся действий Богдана Хмельницкого: «Существует, по крайней мере, две истории выдающейся личности: история её деяний, отлитая в бронзе, и история её думок, которой никто точно не знает. ...Может быть, гетман и его соратники думали, что союз Украины с Московщиной, страны демократической и монархического царства, удастся. А как это оформить, наверное, ни гетман, ни хмельнитчане не думали, хотя это и выглядит удивительно» [9, с. 164].

Авторы таких рассуждений, желая опровергнуть добровольный характер присоединения Украины к России, поясняют: да, присоединение было, но оно произошло потому, что гетман Хмельницкий «потерпел поражение от царских дипломатов, несокрушимая настойчивость коих навязала акту присоединения характер царской милости» [9, с. 165]. В таких тезисах игнорируются не только факты, но и социально-психологическая атмосфера рассматриваемой эпохи. Обходя принцип историзма, нынешние украинские историки хотят, чтобы Богдан Хмельницкий мыслил точно так же, как они мыслят сегодня.

В XVI–XVII веках люди думали и действовали в соответствии с принятой тогда шкалой мировоззренческих и ментальных ценностей. То время трудно понять вне религиозного контекста. Исторические источники свидетельствуют: православные жители Юго-Западной Руси страдали от гонений со стороны католиков и униатов. Теперешние украинские историки, отрицая особую для той эпохи роль религии, утверждают, что гетман Хмельницкий обращался к московскому царю «не за поддержкой православия, а за признанием казацкого государства, возникшего на южных рубежах России» [6, с. 125].

А что показывают нам исторические источники? В своём первом письме к царю Алексею Михайловичу Хмельницкий писал: «Отрадно нам уведомить твою царскую милость, что мы защищаем веру нашу старожитную греческую, за которую, как и за вольности свои, с давних времен и до сих пор кровь проливаем от королей и покою не имеем» [7, с. 33]. Позиция гетмана подтверждена таким ярким и убедительным историческим источником как

«Летопись самовидца о войнах Богдана Хмельницкого», где повествование начинается со слов: «Початок и причина войны Хмельницкого есть едино от ляхов на православие гонение и казакам отягощение» [10, с. 45].

Множество свидетельств того, что гонения на южнорусское православие со стороны католической Польши явились одной из самых существенных причин развернувшейся на Украине освободительной войны, содержится в сборнике документов «Воссоединение Украины с Россией». О стремлении верхов Речи Посполитой окатоличить жителей Южной Руси, подчинив православную церковь папе римскому, писал царю Михаилу киевский митрополит Иов, жалуясь, что «король польский обострил меч на православных» [8, с. 47].

Активными проводниками папской политики были иезуиты, которых курировал Пётр Скарга, приравнявший православие к «невежеству и варварству» и выступивший противником использования славянского языка в богослужении и образовании: «Человек, говорящий одним только славянским языком, никогда не может стать ученым» [11, с. 8]. Скарга призывал польские власти применять силу, чтобы «еретиков каждый бы день убывало» [11, с. 9].

При поддержке польских властей иезуитам удалось навязать некоторым южнорусским православным иерархам церковную унию. Отступники, возглавляемые киевским митрополитом Михаилом Рагозой, скрывали свою подрывную деятельность от мирян, тайно готовя униатский съезд. В 1594 году они подписали в Риме акт о присоединении к католической церкви, а в октябре 1596 года организовали свой съезд в городе Бресте, где было объявлено о «соединении церквей».

Однако в Бресте собрались также и противники унии во главе с патриаршим экзархом Никифором и епископами Киевской митрополии. Антиуниатский собор предал изменников анафеме. Массы народа были возмущены манёврами униатов, видя в них предателей. Те отвечали грубым высокомерием и агрессией. Автор «Летописи самовидца» писал: «А горчайшие насмешки и утеснения терпел народ русский от тех, которые из русской веры приняли римскую веру» [10, с. 51].

Уния насаждалась с помощью насилия: у православных общин отнимались храмы и монастыри, православное богослужение повсеместно запрещалось. Епископ Исая Копинский писал московскому патриарху Филарету: «Здесь на Украине... всюду ереси, всюду неблагочестие, ...отовсюду гонения, отовсюду нужда, отовсюду беда» [8, с. 27–28]. Всё это было следствием политики польских властей: «Король польский и паны радные и ляцкие арцыбискупы приговорили на сойме, что в их Польской и Литовской земле православной христианской вере не быть, и христианские церкви поломать, и книги русские вывезть» [8, с. 222].

Католики и униаты трактовали поддержку польского короля и сейма как индульгенцию на полную безнаказанность в отношениях к православному населению, становившемуся бесправным.

В исторических документах отражены многочисленные факты вооруженных налётов и разгромов православных монастырей, русских школ и госпиталей, разграблений домов, избиений жителей. Русские люди жаловались: «Всех, кто только был русин, без всякого политования шаблями, киями, цеглами, каменьями побили и помордовали» [8, с. 170].

Результатом религиозной дискриминации становилось массовое бегство жителей Южной Руси в пределы Московского царства. Воеводы из пограничных районов регулярно передавали царю информацию о том, что «русские люди в лятцкой вере быть не хотят, а хотят, государь, с жёнами и детьми переехать на твое государево имя» [8, с. 117].

Антиправославная экспансия сочеталась с нарастающим ужесточением социального и национально-культурного гнета. Король Речи Посполитой подписывал «привилеи», отдававшие его приближенным «на вечные времена» большие куски украинской территории. Часто магнаты, рвущиеся к экономическому могуществу, обходились и без «привилеев», силой захватывая украинские земли и становясь владельцами гигантских латифундий. Средняя и мелкая польская шляхта забирала себе сёла и хутора. От присвоения земель не осталась в стороне и католическая церковь. Захваты земель сопровождались закрепощением местных крестьян. «Кривды и шкоды» несли украинцам польские офицеры и чиновники, заставлявшие их отрабатывать барщину: «Тех, кто отказывается работать, долго мучают тюрьмой, побоями, отнимают у них дома, пока они не согласятся работать. Людей держат в жестоком заключении, морят голодом, так что некоторые опухли и не надеются жить на свете» [8, с. 163].

Магнаты и шляхта «всех подданных тяжкими работами и податями чрезвычайными заботили», заставляя «выходить на работу, едва начнёт светать, и отпускали только в два часа ночи». Крестьяне не могли выполнять «никакой своей домашней работы — ни пахать, ни жать, ни косить сена» [8, с. 115]. Повинности, накладываемые на крестьян панами, непрерывно росли. К середине XVII века размер барщины достигал шести дней в неделю. За малейшее несогласие крестьяне подвергались избиениям и пыткам, а нередко и смертным казням [8, с. 287, 475].

Ущемлялись национальные права русского населения. Польская администрация отказывалась признать право русских на родной язык. Сейм Речи Посполитой запретил делопроизводство на русском языке. На все значимые административные посты допускались лишь католики. Недовольство русских каралось жестоко и беспощадно. В 1630 году сандомирский воевода Станислав Конецпольский в своем универсале призвал шляхту: «Всех вас, милостивые паны, которые достаточно уже познакомились с хлопским своеволием, прошу гасить огонь хлопским кровью» [8, с. 80]. В 1637 году он, став польским коронным гетманом, просил «панов старост, державцев, наместников и урядников» усмирять и арестовывать всех бунтовщиков: «Если бы ваши милости не могли задержать их, то вы должны карать их жён и детей и дома их уничтожать, ибо лучше, чтоб на тех местах росла крапива, нежели размножались изменники Речи Посполитой» [8, с. 179]. Эти установки воплощались на практике. Со слов бежавших от польского произвола украинцев российские воеводы докладывали в Москву: «Ляхи, по городам и дорогам имаючи, казаков побивают, и животы их грабят, и жён их и детей мучают, надругаются всякими разными пытками» [8, с. 194].

Польский гнёт усиливал тягу украинцев к объединению с единой Россией, где в 1589 году было учреждено патриаршество. Россия служила украинцам своеобразным тылом, помогавшим им сопротивляться польскому произволу, а в случае

преследований со стороны польских панов уходить на российскую сторону границы. Украинцы оседали в российском пограничье, названном Слободской Украиной, где участвовали в строительстве оборонительной линии, защищавшей Россию от крымских набегов. Немало украинцев селилось также на Дону, в Курске, Воронеже, Белгороде. В первой половине XVII века миграция из Украины в Россию носила массовый характер, и по мере усиления религиозно-культурного и социального гнёта только возрастала.

Те украинцы, которые оставались в родных местах, должны были либо смириться с польским произволом, либо вести борьбу. Большинство выбирало борьбу. В авангарде её встало запорожское казачество. Построив в низовьях Днепра Запорожскую Сечь, казаки вооружались для защиты православия от унии и для противодействия произволу магнатов и шляхты. Население, страдавшее от панского гнёта, смотрело на Сечь с надеждой. Туда шли крестьяне и горожане, которые, взявшись за оружие, становились казаками. Н. В. Гоголь писал: «Всякий имел полную волю приставать к этому обществу, но он должен был непременно принять православную веру» [12, с. 42].

Восстания против поляков следовали сплошной чередой. Запорожцы рассчитывали на помощь России, ощущая кровную связь и желая воссоединения с ней. В 1632 году они собрали раду в Корсун и обратились к царю Михаилу с просьбой принять их в российское подданство. В ответ на обращение московское правительство стало снабжать их оружием и боеприпасами.

В 1637 году гетман Павлюк Михнович обратился к населению Украины с призывом подняться против «неприятелей народа русского христианского и древней греческой веры» [13, с. 102]. Он хотел перейти в российское подданство, но не успел этого сделать: магнаты подавили восстание с помощью жестокого террора, а сам Павлюк был жестоко казнён в Варшаве.

В 1638 году крупное восстание возглавил гетман Степан Остранин. В своём воззвании он извещал, что идёт «с войском на Украину для освобождения православного народа от ярма порабощения и мучительства тиранского ляховского, для отмщения причинённых обид, разорений и ругательств, нанесённых всему сообществу рода русского, по обеим сторонам Днепра обитающего» [14, с. 140]. Казаки нанесли полякам несколько поражений, но польская армия во главе с Николаем Потоцким всё же сумела разбить казачьи отряды, и Остранин с частью запорожцев ушёл в пределы Московского царства. Оставшихся возглавил полковник Дмитрий Гуня. Два месяца отбивались казаки от польского войска, но силы были не равны, и Гуне с товарищами также пришлось уйти в Россию.

К середине XVII века пламя освободительной войны охватило всю Украину. Всюду возникали повстанческие отряды, куда вступали крестьяне, горожане, мелкие дворяне, православные священники. Как прежде, в авангарде находились запорожские казаки. Под руководством Богдана Хмельницкого они несколько раз разбили польские войска. Но гетман понимал, что без поддержки России справиться с поляками ему не удастся. В январе 1649 года он направил в Москву посольство, вновь просившее Алексея Михайловича решить вопрос о присоединении Украины. Но царь и его советники долго не решались вступать в войну с Польшей, понимая,

что она потребует огромных затрат. Хмельницкий, видя их нерешительность, был раздосадован. Польские верхи пытались воспользоваться ситуацией и склонить Хмельницкого на свою сторону, однако он остался верен идее единой Руси.

За шесть лет непрерывной борьбы с польской армией людские потери на Украине составили 35–40 процентов, казачье войско сократилось на треть [2, с. 178]. Стремясь спасти Украину от полной катастрофы, Хмельницкий в 1651 году отправил в Москву новое посольство, которое должно было убедить царя в необходимости наконец-то принять Украину в своё подданство. На этот раз царские дипломаты известили послов о готовности России откликнуться на их призывы. В октябре 1653 года делегаты от всех российских городов и сословий приговорили на Земском соборе: «...гетмана Богдана Хмельницкого и Войско Запорожское принять под государеву высокую руку» [15, с. 452]. После этого царь Алексей объявил о вступлении России в войну против Польши.

8 января 1654 года в Переяславе была созвана Генеральная Рада, представлявшая все области Украины. Богдан Хмельницкий, выступая перед Радой, подчеркнул: «Единое есть мы тело церкви с православием Великой России» [16, с. 111]. Присоединение Украины к России отразилось в особом символическом ритуале: все присутствующие на Раде после троекратно заданного вопроса троекратно же отвечали: «Волим под царя восточного, православного... Боже утверди, Боже укрепи, чтоб есмь во веки веков вси едины были!» [17, с. 46]. Затем на верность российскому царю присягнули все казачьи полки. Гетман отправил письмо Алексею Михайловичу: «Что Ваше царское величество под крепкую и высокую руку свою нас, верных слуг, принять изволил, мы за милость неизреченную Вашему царскому величеству до лица земли низко челом бьём» [17, с. 219].

Украина в составе Российского государства получила автономию: сохранялись права и вольности Запорожского войска в виде выборности гетмана и рады, других форм самоуправления. Правительство оказывало Украине денежную помощь. Вхождение украинцев в состав Российского государства многократно повысило безопасность их жизни. Во второй половине XVII века крестьяне и горожане с правого, «польского» берега Днепра, с Волыни и Галиции массово переселялись на Левобережье, которое вместе со Слобожанщиной быстро превратилось в густозаселенный край, где развивалось хозяйство, налаживалась культурная жизнь.

Таким образом, факты реальной истории свидетельствуют о том, что предпринимаемые в нынешней украинской историографии попытки оспорить позитивное значение и гуманный смысл воссоединения Украины с Россией в XVII веке, а тем более интерпретировать это событие как «трагедию Украины», несут очевидный отпечаток антиисторизма.

Библиографический список

1. Дмитрук, К. Е. Униатские крестоносцы: вчера и сегодня / К. Е. Дмитрук. — М. : Политиздат, 1988. — 381 с.
2. Очерки истории Украины / Отв. ред. П. П. Толочко. — Киев : Наукова думка, 2010. — 475 с.
3. Бузина, О. А. Тайная история Украины-Руси / О. А. Бузина. — Киев : Довіра, 2008. — 335 с.
4. Сергійчук, В. И. Переяславська рада — трагедія України і програв Європи / В. И. Сергійчук. — Київ : Діюкор, 2003. — 131 с.

5. Історія України: нове бачення : у 2 т. / Під ред. В. А. Смолія. — Київ : Україна, 1995. — Т. 1. — 350 с.
6. Воронянский, А. В. История Украины / А. В. Воронянский. — Харьков : Парус, 2005. — 544 с.
7. Воссоединение Украины с Россией. Материалы и документы : в 3 т. / Под ред. П. П. Гудзенко [и др.]. — М. : АН СССР, 1953. — Т. 2. — 557 с.
8. Воссоединение Украины с Россией. Материалы и документы : в 3 т. / Под ред. П. П. Гудзенко [и др.]. — М. : АН СССР, 1953. — Т. 1. — 621 с.
9. Багацький, В. В. Історія України / В. В. Багацький, Л. І. Кормич. — Київ : Алерта, 2010. — 388 с.
10. Летопись самовидца / Под ред. А. Д. Скабы. — Киев : Наукова думка, 1971. — 207 с.
11. Соловьев, С. М. История России с древнейших времен : в 29 т. / С. М. Соловьев. — М. : Соцэкзиз, 1959. — Т. 10. — 781 с.
12. Гоголь, Н. В. Нужно любить Россию / Н. В. Гоголь. — М. : Институт русской цивилизации, 2008. — 672 с.
13. Славянская энциклопедия, XVII век : в 2 т. / Автор-сост. В. В. Богуславский. — М. : Олма-Пресс, 2001. — Т. 2. — 393 с.
14. Летопись событий в Юго-Западной России в XVII в. : в 4 т. / Сост. С. Величко. — Киев : Типография Фёдорова, 1864. — Т. 3. — 180 с.
15. Российское законодательство X—XX вв. : в 9 т. / Отв. ред. А. Г. Маньков. — М. : Юридическая лит., 1985. — Т. 3. — 512 с.
16. Русская Православная Церковь. 988—1988. Очерки истории I—XIX вв. — М. : Изд-во Московской патриархии, 1988. — 112 с.
17. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России : в 14 т. — СПб. : Археографическая комиссия. — 1878. — Т. 10. — 838 с.

КУТЕПОВ Виктор Анатольевич, кандидат исторических наук, заместитель начальника Учебного военного центра Омского государственного технического университета (Институт военно-технического образования).

Адрес для переписки: kutepviktor@mail.ru

РЫБАКОВ Сергей Владимирович, доктор исторических наук, доцент (Россия), профессор кафедры истории России департамента гуманитарного образования студентов инженерно-технических направлений Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета.

Адрес для переписки: istoric-ek@mail.ru

Статья поступила в редакцию 27.11.2014 г.

© В. А. Кутепов, С. В. Рыбаков

УДК 93/94

И. А. СИЛАЕВА

Научно-производственное
предприятие «Сибгеокарта»,
г. Нижневартовск

ОСНОВЫ КЛАССИФИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ В «ОБОЗРЕНИИ СТОЛБЦОВ И КНИГ СИБИРСКОГО ПРИКАЗА (1592—1768 гг.)» Н. Н. ОГЛОБЛИНА

Классификация Н. Н. Оглоблиным громадного массива документов архива Сибирского приказа, принятая в его многотомном «Обозрении столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.)», впоследствии была высоко оценена исследователями. Исследователь разделил «Обозрение...» на четыре части, посвященные документам воеводского управления, документам «по сношениям местного управления с центральным», документам центрального управления, наконец, документам таможенного управления соответственно.

Ключевые слова: Н. Н. Оглоблин, классификация документов, Сибирский приказ, архивное дело, история архивов России.

Видным отечественным историком и архивистом конца XIX—начала XX вв. Н. Н. Оглоблиным, тщательно изучившим обширный массив документальных материалов Сибирского приказа, было подготовлено многотомное «Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.)». В эту работу, по указанию автора, вошли сведения о 1644 книгах, 1520 столбцах и 164 «разбитых столбцах» приказа, ведавшего Азиатской Россией. Архив Сибирского приказа включал столбцы и книги ряда других приказов, попавшие туда, по мнению Н. Н. Оглоблина,

случайно — вероятно, при разборе Комитета 1835 г. К ним относятся 7 книг Разрядного приказа, 117 столбцов, 59 разбитых столбцов, а также отдельные документы Разряда в 2-х других книгах и 26 столбцах. Из Малороссийского приказа в Сибирский попали 2 книги, 49 столбцов, 97 разбитых столбцов и отдельные документы в 1 книге и в 2 столбцах, из Приказа Большого прихода — 18 столбцов и отрывки в 2 столбцах, из приказа Большой Казны — 7 столбцов, из приказа Казанского Дворца — 5 столбцов, из Иноземского